

Як висновок зазначимо, що ідея гуманістичних цілей нового розуміння середовища людини та природи породжує потребу постійної діяльності у руслі просвітницької парадигми. Нове розуміння галузей та напрямів як у самій Екології, так і у Екології людини породжує потреби постійного процесу виховання та вільного доступу підростаючих поколінь до інформації та аналізу сучасного стану як науки, так й економічної ситуації. Слід завжди пам'ятати про причинно-наслідкові зв'язки та про те, що процес розвитку суспільства та природи ніколи ще не означав постійний прогрес. Розвиток - це й шлях регресу, який постійно загрожує людству у цілому, націям та особистостям у окремоті.

На кожного „Данко” якого прагнуть мати у певний час нації та спільноти завжди знайдеться ще більша кількість „Безіменних”. Та й розуміння феномену „Данко” має бути занадто ширшим, з включенням об'єктивної реальності розвитку націй. Саме вільний процес свободи у творчості, пошук однодумців та схильність людини до творчості та дії, розуміння як власної біологічної слабкості та недосконалості, так й залежності від нас оточуючого середовища мусить наводити нас на думку, що наше знання настільки недосконале, що власне його треба постійно удосконалювати.

Список літератури: 1.*Арендт, Г.* Становище людини [Текст] / Г.Арендт ; [пер. з англ. М.Зубрицької]. – Львів : Центр гуманітарних досліджень Львівського держуніверситету ім. І.Франка, 1999. – 254 с. 2.*Вежбицкая, А.* Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики [Текст] / А.Вежбицкая ; [пер. с англ. А.Д.Шмелева]. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 272 с. 3.*Горький, М.* Старуха Изергиль [Текст] / М.Горький. – М. : Просвещение, 1972. – 414 с. 4.*Мала енциклопедія етнодержавознавства* / НАН України. Ін-т держави і права ім. В.М.Корецького ; редкол.: Ю.І.Римаренко (відп. ред.) та ін. – К. : Довіра; Генеза, 1996. – 942 с. 5.*Постмодернизм. Энциклопедия* // Сост. Грицанов А.А., Можейко М.А. – Мн. : Интерпрессервис; Книжный дом. 2001. – 1040 с. 6.*Рикер, П.* Время и рассказ. Конфигурация в вымышленном рассказе [Текст] / П.Рикер ; [пер. с фр. Т.В.Славко]. – Т. 2. – М. ; СПб. : Университетская книга, 2000. – 224 с. 7.*Пропт, В.Я.* Русская сказка [Текст] ; [науч. ред., ком. Ю.С.Рассказова]. – М. : Лабиринт, 2000. – 416 с. 8.*Ярыгин, В.Н.* Биология [Текст] / В.Н.Ярыгин. – М. : Медицина, 1987. – 448 с.

Поступила в редколлегию: 28.10.08

Рецензент: канд.филос. н., проф. Н.А. Ермоловский

УДК 1 : 37 : 017

О. А. ДОЛЬСКАЯ, канд. филос. наук, доцент, НТУ «ХПИ»

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ: ОБЗОР, ПРОБЛЕМЫ, ПРОЕКТЫ

В статье анализируется современное представление о понятии рациональности. Автор настаивает на том, что сегодня современная система образования обязательно должна учитывать проблему разума. Без обращения к проблеме разума, невозможно очертить границы образования с исторической, социальной и методологической точки зрения.

У статті аналізується сучасні уяви щодо поняття раціональності. Авторка наполягає, що сьогодні сучасна система освіти обов'язково повинна враховувати проблему розуму. Без урахування цієї проблеми не можна окреслити межі освіти з історичної, соціальної та методологічної точки зору.

Modern presentation is analysed in article about notion of rationality. The Author persists on that today modern system of the formation without fall must take into account the problem of the reason. Without referencing to problem of the reason, impossible outline the borders of the formation with history, social and methodological standpoint.

Актуальность. Тема рациональности не просто вошла в философию современности, она ворвалась в нее с конца XIX в. Пожалуй, нет сегодня ни одной области социума, которую бы не пытались обосновать, объяснить с точки зрения рациональности. Задача. В нашем исследовании мы попытаемся дать краткий обзор проблемы рациональности в философии. Целью данной работы является желание выйти с утверждением о том, что при обсуждении темы рациональности необходимо учитывать то, какую роль она выполняет не только в истории философии, но и в образовании. Эта тема позволит разобраться и с проблемой смены парадигм образования, и со сменой акцентов в современных педагогических стратегиях.

В поле внимания автора находилась статья В. Владимиренко, в которой предлагается ввести понятие образовательно-педагогической рациональности. В. Владимиренко считает, что это позволит развязать ряд проблем, которые возникли в системе образования современного нам общества. Он считает, что этот термин «может выполнять более продуктивную функцию для теоретико-методологических поисков, чем концепт “образовательная парадигма”» [3, с. 367]. Из текста статьи не понятным остается вопрос о статусе выделенного им понятия. Автор называет его понятием, категорией, концептом, инвариантом, конструктом. Характеристика, которую он дает этому типу рациональности, на наш взгляд, более отвечает характеристике “парадигма образования”. Мы отстаиваем ту позицию, по которой понятие “парадигма образования”, к которой обращаются многие мыслители (В.П. Андрущенко, М.В. Богуславский, Б.Г. Гершунский, Г.В. Корнетов, З.И. Равкин, М.И. Романенко, И.В. Зязюн, В.Г. Кремень и др.), отвечает своему назначению. Она уже традиционно используется в категориальном словаре философии образования и не нуждается в замене. На наш взгляд, более продуктивным будет анализ тех же парадигм образования, но рассмотренный сквозь призму темы рациональности. Кратко проанализируем состояние темы рациональности в истории философии.

Понятие рациональности многозначно и до конца не определено. Рациональность возможно рассматривать как историко-научный феномен, как логико-методологический прием, как мировоззрение. Тема рациональности была всегда прямо или косвенно представлена в философии разных периодов ее становления как одна из основных. Особенно актуальной она оказалась в XX веке: рационализация практически всех сфер

человеческого существования свидетельствует о злободневности и необходимости более детального изучения этого феномена.

Воплощением рациональности является наука, которая складывается в XVII – XVIII вв., – эпоха становления экспериментально-математического естествознания и время формирования понятия рациональность. Это был особый тип рациональности, который впитал в себя идеи механики (естествознания) и идеи метафизики того периода, вместе взятые они и дали тот угол зрения на понятие рациональность, который во многом сохранился и до наших дней. Разум рассматривался как тождественный сам себе, а подлинная сущность разума понималась как мыслящая бытие субстанция. Недаром Р. Коллингвуд, проанализировав развитие естествознания, настаивал на культурно-исторической обусловленности понимания разума [12].

В 60 – 70е гг. XX века эта тема стала краеугольной для философии науки, в частности для представителей постпозитивизма. Т. Кун, И. Лакатош, С. Тулмин, Дж. Агасси, П. Фейерабенд и др. пытались дать историко-методологические варианты развития науки и напрямую столкнулись с проблемой характера рациональности. Кун, отталкиваясь от положений Коллингвуда, предложил концепцию смены рациональностей в зависимости от исторических и культурных контекстов. С опорой на эти исследования был установлен плюрализм исторически сменяющихся друг друга типов рациональности.

В.С. Степин соотносительно к трем стадиям исторического развития науки выделяет три основных типа научной рациональности: классическую, неклассическую и постнеклассическую. Точкой отсчета в различении ее видов у него выступает наука. Он соглашается с тем, что такие два типа рациональности, как неклассическая и постнеклассическая выступают как более дробная типология в рамках принципиального противопоставления классической и неклассической [2, с. 20]. Он также использует такое понятие, как «открытый тип рациональности», интерпретируя ее как характеристику постнеклассической науки. В.И. Додонова, представитель отечественной философии, добавляет еще и доклассический тип рациональности. На наш взгляд, ее более удобно назвать традиционной.

В.С. Швырев рассматривает рациональность как концепт и выделяет «открытую» и «закрытую» ее формы. Он предлагает «открытый» и «закрытый» типы рациональности, которые соответствуют различению рассудка и разума. Разницу между первой и второй он объясняет так. «В классической рациональности проблема соотношения открытости и закрытости стоит так, что, в общем, имеет место и закрытая, и открытая рациональность, а в постклассической рациональности открытость является необходимым моментом рациональности, ее перманентным, необходимым моментом. Открытость в смысле постоянной критичности по отношению к своей позиции» [2, с. 21; 11].

Основная установка рациональности в эпоху Просвещения – убеждение в том, что разум мыслит бытие и что в этом и состоит его подлинная сущность, характеризующая объективность, и в силу этого необходимо признать научное знание как общезначимое. Согласно этому представлению, принципы рационального высказывания должны сохранять свое значение в любое время, в любую эпоху, в любом конкретно-историческом регионе. Представители Нового времени не подозревали, что легитимированная власть научной рациональности над культурой способна стать источником глобальных потрясений, рисков, отклонений от человечности. Такая рациональность выдвигала требование порядка, что достигалось господством определенного понятийно-категориального языка натурфилософской метафизики Модерна.

Однако ее классическое представление как научной оказалось несостоятельным, и это стало особенно актуальным в XX веке. Немецкий философ, апологет рациональности, К. Хюбнер считает, что научная рациональность теряет связь с культурой, что является для сциентически ориентированных представителей философии сигналом неблагоприятного состояния дел в становлении культуры. И предлагает для определения ее ограничиваться только неким перечислением характеристик. Он вводит четыре основных значения научной рациональности, на основе которых различает четыре ее вида: логическую, эмпирическую, операциональную и нормативную.

Современные исследователи понятие рациональность предлагают рассматривать с позиций двух традиций. Например, В. Лукьянец, О. Соболев предлагают рассматривать рациональность с постметафизической (представлена именами М. Хоркхаймера, Т. Адорно, К.- О. Апеля, Г. Маркузе, Ю. Хабермаса и другими) и постмодернистской позиций (М. Фуко, Деррида, Лиотар, Рорти, Бодрийяр и др.) [9, с.10]. А П.П. Гайденок настаивает на том, что современное понимание рациональности во многом определили А. Бергсон, Э. Гуссерль, М. Вебер, М. Хайдеггер, К. Ясперс, так как они задали определенный угол зрения на рациональность[4].

На наш взгляд, значение Вебера в использовании и понимании рациональности огромно и особенно актуально сегодня. Процесс рациональности бесконечен. Наша задача заключается в поиске тех или иных видов рациональности. Вебер, по сути, открыл перед нами такую возможность, впервые отклонившись от понятия научная рациональность. Он тем самым заложил основы возможности поиска новых ее типов в приложении к процессам, происходящим в обществе. Однако, какой-то степени он еще продолжает отождествлять ее с механическими началами, идущими от Декарта.

Вебер отождествляет разумное с механическим, его концепция рациональности имеет тип формальной рациональности. Он вводит и использует рациональность в виде одной из основных категорий своей

социальной теории развития общества [1, с. 95], с помощью которой возможен анализ современного ему общества конца XIX – начала XX в. У Вебера – это методологический прием: анализируя типы социального действия, Вебер, выделяет четыре, подчеркивая в каждом из них все более возрастающую роль рациональности. Это традиционное, аффективное, ценностно-рациональное и целерациональное действия. Он также убежден, что рационализация социального действия – это тенденция самого исторического процесса. Как мы видим, в своих рассуждениях он намечает двойственность подхода к пониманию рациональности [1, с. 95]. Однако не совсем ясно, насколько он придает такой двойственности значение.

Мы обращаем внимание на то, что в рамках постметафизической традиции присутствует разграничение между понятием разума и рациональности. И это позволяет нам утверждать, что в вопрос о рациональности необходимо включить и вопрос о разуме. Аристотелевская, Кантовская интерпретация разума, вероятно, многое дали бы для понимания рациональности. И не случайно представитель первого поколения Франкфуртской школы М. Хоркхаймер свои рассуждения строит вокруг проблемы разума, закладывая основы для дальнейших разработок вокруг вопроса о рациональности.

Первое, что он подчеркивает, так это наличие проблем объективного и субъективного разума в философских построениях. В «Критике инструментального разума» он подчеркивает связь всех крупных философских систем с опорой на объективную теорию разума, целью которой являлась разработка системы всего сущего, включая и человека [5, с. 25]. Такое понятие разума не исключало субъективного разума, но рассматривало его как единичное ограниченное выражение всеохватывающей разумности. Отношения между двумя понятиями разума существовали всегда с доминированием первого. Однако субъективный разум, на определенном историческом этапе «потеряв способность концептуализировать объективность» [5, с. 26], стал продуцировать не понятия, а пустые формальные оболочки. Это привело к формализации разума. Субъективный разум потерял связи с объективным содержанием в своем формальном аспекте, а в инструментальном – он капитулировал перед гетерогенным содержанием, оперативная ценность которого сводится к покорению природы и человека.

Представитель второго поколения Франкфуртской школы Хабермас продолжает разрабатывать тему разума, а затем переходит к анализу рациональности. Он пишет, что «критика разума в том виде, в каком он исходит из идей новых философов и некоторых французских постструктуралистов, низвергает себя, обесценивая себя средствами самой критики... То, что в этих кругах ниспровергается под именем “разума”, есть всего лишь целерациональность, раздутая до целого, субъективность, упорствующая в своем самоутверждении. Иной раз не верят своим глазам: а

не утрачено ли полностью некогда почтенное различие между рассудком и разумом? Хоркхаймер и Адорно говорят об “инструментальном разуме” – ироническое выражение, которое означает, что сегодня целерациональность, понимаемая в духе Макса Вебера, угрожает узурпировать место разума и тем самым вызвать тоталитарные последствия, например, в деятельности государственной бюрократии, которая ошибочно полагает себя центром и вершиной общества» [10, с. 84].

Хабермас искал новый тип рациональности, что способствовало выдвигания им положения о том, что ментальные структуры предполагают наличие процессов коммуникативного характера, которые реализуются благодаря символическому взаимодействию и языку. Коммуникативное действие предстает как комплекс социальных действий, участники которых настроены на достижение взаимопонимания с опорой на речевые акты. Через связанность речи и действий носителей языка, результатом чего выступает речевой акт – квант речи – говорящий выходит на единичное намерение (иллюкцию). Такой завершенный минимальный отрезок речи и достижимый результат выступает в виде методологического направления, которое исходит из того, что основное назначение языка – не описание объектов действительности, а исполнение определенных целенаправленных действий. Работы Хабермаса разворачивают перед нами коммуникативный тип рациональности.

Не обошли тему рациональности и представители постмодернистской традиции. М. Фуко, Ж. Деррида, Ж.Ф. Лиотар, Р. Рорти, А. Бодрийар и др. говорят о рациональности, как ее понимают представители определенного социального сообщества. Для них основное внимание в понимании рациональности концентрируется, во-первых, вокруг языка (в поле внимания оказываются научный, религиозный языки и даже язык образования). Во-вторых, они подчеркивают значение контекста, в котором разворачивается тот или иной язык. Контекстуальное понимание формируется при противопоставлениях разуму определенных конструкторов в виде мнения, эмпирического подхода к пониманию реальности и т.п. Разум может выполнять различные задачи: когнитивные, социально-практические, экспериментально-преобразовательные, методологико-логические. Следовательно, он наделяется функциональными характеристиками.

Отталкиваясь во многом от работ постметафизиков, рефлексия над рациональностью представителями постмодернизма продолжается в контексте коммуникативного типа рациональности, но акценты ставятся на вопросе об условиях intersubjectивной значимости аргументации в межличностных общениях. Для них важнейшей зоной исследования и преломления рациональности становится не научно-рациональное содержание, а общечеловеческое. Поэтому они предлагают также пересмотреть категориальный словарь, приблизив его максимально к гуманистической философской традиции. Представители постмодернизма

подчеркивают нерасторжимую связь разума и рассудка. Разум и рассудок невозможно противопоставлять для понимания рациональности. Для разума характерно использование человеком таких способностей, как фантазия, творчество, воображение. Эти составляющие предшествуют рациональности. А рассудок (т.е. сама рациональность) понимают как дискурсивность, систематизированность и нормативность. Сочетание первого и второго и дает правильное понимание рациональности.

Итак, если представители Модерна придавали миру черты некоего механизма, машины, организма, то постмодернисты считают, что на смену механистической модели мира приходит новая модель миропонимания – лингвистическая. В таком аспекте рациональность может быть понята как проблема культуры в общем. Тогда проблема рациональности в своих истоках выступает как философско-мировоззренческая проблема, так как она связывается с осмыслением возможных типов отношения человека к действительности, с конструированием им определенной картины мира и вписыванием его в эту картину.

Действительно, рациональность можно рассматривать как некую переменную, которая служит определенным индикатором для каждой исторической эпохи, следовательно, имеет разные значения. Сегодня рационализируются все сферы общества, что позволяет говорить о рационализации также и образования. Это дает нам право предположить, что рациональность может служить тем полем, той призмой и основанием, сквозь которую возможно рассматривать и анализировать парадигмы образования. Если сегодня поднимается вопрос об их смене, то, может быть, целесообразно было бы рассмотреть смены типов рациональности, выявить тенденции ее изменений и проанализировать сдвиги в самой системе образования. На основе полученных результатов, возможно, появится та основополагающая база, на которой и следовало бы рассматривать перспективы новой парадигмы образования.

Вывод. Понятие рациональности оказывается многомерным, и при всем имеющемся материале его исследования, все же эта тема остается еще открытой. В современной философии происходит становление так называемой «новой» рациональности. Она представлена такими типами рациональности, как инструментальная, формальная, целерациональная, коммуникативная, процедурная. Так как рациональность возможно рассматривать как сменяющие друг друга или сосуществующие типы, автор статьи предлагает анализировать с позиций рациональности парадигмы образования.

Список литературы: 1. Вебер, М. Протестанская этика и дух капитализма [Текст] // Вебер М. Избр. Произведения ; [предисл. П.П. Гайденко]. – М., 1990. – 423 с. – (Социологическая мысль Запада). 2. «Круглый стол» журналов «Вопросы философии» и «Науковедение», посвященный обсуждению книги В.С. Степина «Теоретическое знание» [Текст] // Вопросы философии. – № 3. – М.: Наука, 2001. – С. 3-32. 3. Владимиренко, В. Природа та евристичні можливості освітньо-педагогічного типу раціональності [Текст] // Sententiae: Наук. праці Спільки дослідників модерної

філософії. – Вінниця: Універсум, 2004. – Вип. 1: «Феномен раціональності». – С. 366–373. **4.** *Гайденко, П.П.* Научная рациональность и философский разум [Текст] / П.П. Гайденко. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 527 с. **5.** *Горкгаймер, М.* Критика інструментального розуму [Текст] / М. Горкгаймер. – К.: ППС, 2006. – 282 с. – (Сучасна гуманітарна бібліотека). **6.** *Деррида, Ж.* Письмо японскому другу [Текст] / Ж. Деррида // Постмодерн в философии, науке, культуре; [сост. В.И. Штанько, И.З. Цехмистро, В.Н. Сумятин]. – Х., 2000. – С. 53–57. **7.** *Козловський, П.* Культура постмодерна: суспільно-культурні наслідки технічного розвитку [Текст] / П. Козловський // Постмодерн в философии, науке, культуре; [сост. В.И. Штанько, И.З. Цехмистро, В.Н. Сумятин]. – Х., 2000. – С. 21–52. **8.** *Лиотар, Ж. Ф.* Заметки о смысле пост (письмо Джессамин Блеу, Милуоки, 1 мая 1985 г.) [Текст] / Ж.Ф. Лиотар // Постмодерн в философии, науке, культуре; [сост. В.И. Штанько, И.З. Цехмистро, В.Н. Сумятин]. – Х., 2000. – С. 8–11. **9.** *Лукьянец, В., Соболев, О.* Рациональность – «обычай – деспот!»? [Текст] // Sententiae: Наукові праці Спільки дослідників модерної філософії. – Вінниця: Універсум, 2004. – Вип. 1: «Феномен раціональності». – С. 6–13. **10.** *Хабермас, Ю.* Демократия. Разум. Нравственность (Лекции и интервью. Москва, апрель, 1989 г.) [Текст] / Ю. Хабермас; [Институт философии РАН]. – М.: Наука, 1992. – 176 с. **11.** *Швырев, В.С.* Рациональность как ценность культуры [Текст] / В.С. Швырев // Вопросы философии. – 1992. – № 6. – С. 91–105.

Поступила в редколлегию: 20.11.08

Рецензент: канд. филос. н., проф. Н.А. Ермоловский

УДК 111 : 130.3

О.Н. ГОРОДЫСКАЯ, канд. филос. наук, доцент, НТУ «ХПИ»

«НЕПРАВОЕ» БЕЗУМИЕ ТРАДИЦИИ В ФУНКЦИИ ТРИКСТЕРА

У дослідженні автор зробив спробу виявити первісні основи європейської культури (план іманентності). Особливе місце відведено такій важливішій складовій культурного простору, як трикстер, який оптимальне вираження отримав у явищі, яке було названо „неправим” божеством. Крім того, було здійснено спробу окреслити образ трикстера у рамках європейської традиції.

In the article the author made the attempt to reveal the previous basis of the European culture (immanence plan). The special place was given to the important cultural space component – to the trixter, who was called by the ancients “untruth” madness. Besides the attempt to define the trixter image in European tradition was made.

В исследовании автор сделал попытку выявить первичные основания европейской культуры (план имманентности). Особое место отведено такой важнейшей составляющей культурного пространства, как трикстер, который оптимальное выражение получил в явлении, названном древними «неправым» безумием. Кроме того, сделана попытка очертить образ трикстера в рамках европейской традиции.

Проблема разума и рациональности стала в философии уже традиционной. Однако, однозначных ответов на вопросы, связанные с границами и возможностями разума, с его способностями проникать в сферы неразумного и взаимодействовать с ними не существует, да и вряд ли они принципиально возможны. Следует сказать, что многовековое движение разума к собственному доминированию спровоцировало возникновение